

**Уайльд Оскар**

# **Дом из гранатовых яблок**

**Сказки**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2  
ББК 84-4  
О-74

О-74      **Оскар У.**  
Дом из гранатовых яблок: Сказки / Уайльд Оскар – М.: Книга по Требованию,  
2022. – 114 с.

**ISBN 978-5-519-78125-1**

**ISBN 978-5-519-78125-1**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



отведенный ему рядъ покоевъ, часто рассказывали о крикѣ восторга, сорвавшемся съ устъ мальчика при видѣ приготовленныхъ для него тонкихъ одеждъ и чудесныхъ драгоценностей, и о почти дикой радости, съ которой онъ сбрасилъ съ себя свою грубую кожаную туннику и жесткій плащъ изъ овечьей шкуры. Конечно, временами мальчику не хватало прекрасной свободы лѣтспой жизни, и онъ иногда былъ склоненъ подшучивать надъ скучнымъ придворнымъ этикетомъ, отнимавшимъ столько часовъ дня, но принадлежавшій ему теперь дивный дворецъ, — его называли „Joyeuse“, — казался ему новымъ міромъ, вновь созданнымъ для его удовольствія, и какъ только ему удавалось вырваться изъ засѣданія Совѣта, или изъ Залы Аудіенцій, онъ сбѣгалъ по большой лѣстницѣ со львами изъ золоченой бронзы и ступенями изъ блестящаго порфира и начиналъ бродить изъ комнаты въ комнату и изъ галлерей въ галлерею, словно человекъ, ищущій въ красотѣ утоленія боли, восстановленія силъ послѣ болѣзни.

Во время этихъ поисковъ новыхъ міровъ, какъ онъ называлъ свои странствованія, — да онѣ и, дѣйствительно, были для него путешествіями по странѣ чудесъ, — его иногда сопровождали стройные, златокудрые пажы въ широкихъ плащахъ, съ весело развѣвающимися лентами; но чаще всего онъ предпочиталъ быть одинъ, проникновеннымъ инстинктомъ, какъ бы въ леновидѣвіи, угадывая, что тайны искусства лучше познаются въ безмолвіи, и что Красота, такъ же какъ и Мудрость, любитъ уединеннаго поклонника.

Много странныхъ исторій рассказывалось о Молодомъ Королѣ въ то время. Говорили, что толстый Бургомистръ, явившійся для подношенія торжественно-витіеватаго адреса отъ имени своихъ согражданъ, засталъ Короля колѣнопреклоненнымъ въ совершенномъ благоговѣніи передъ боль-

шой картиной, только что привезенной изъ Венеціи, и, повидимому, возвѣщавшей культъ какихъ-то новыхъ боговъ. Въ другой разъ Король исчезъ на нѣсколько часовъ и послѣ долгихъ поисковъ былъ найденъ въ маленькой комнатѣ сѣверной башни замка, созерцавшимъ какъ бы въ экстазѣ греческую гемму съ вырѣзаннымъ на ней изображеніемъ Адовиса. Рассказывали, будто видѣли, какъ онъ горячими губами приникъ къ мраморному лбу античной статуи, найденной въ руслѣ рѣки, при постройкѣ каменнаго моста, и носившей имя воинскаго раба Адріана. Однажды, Король провелъ цѣлую ночь, слѣдя за игрой лунныхъ лучей на серебряномъ изображеніи Эндиміона.

Всѣ рѣдкія и цѣнныя вещи имѣли для него большую притягательную силу, и, въ своемъ страстномъ желаніи обладать ими, онъ разослалъ множество купцовъ въ дальнія страны: однихъ—къ грубымъ рыбакамъ сѣверныхъ морей за янтаремъ, другихъ—въ Египеть за той странной зеленой бирюзой, которую можно найти исключительно въ могилахъ царей, и которая, какъ говорятъ, обладаетъ волшебными свойствами; третьихъ—въ Персію за шелковыми коврами и раскрашеннымъ фаянсомъ; и, наконецъ, иныхъ въ Индію купить газъ, рѣзную слоновую кость, лунный камень, браслеты изъ нефрита, сандаловое дерево, голубую эмаль и шали изъ тончайшей шерсти.

Но что больше всего его занимало, такъ это одѣяніе, которое онъ долженъ былъ надѣть въ день коронаціи: мантия изъ золотой парчи, корона, украшенная рубинами, и скипетръ, обвитый рядами и кольцами жемчуга. Объ этихъ уборахъ имевно думалъ онъ теперь, откинувшись на своемъ пышномъ ложѣ и глядя на большой сосновый стволъ, пылавшій въ очагѣ. Рисунки, работы знаменитыхъ современныхъ художниковъ, были представлены ему уже много мѣсяцевъ тому назадъ, и онъ издалъ приказъ ювелирамъ работать день и ночь

надъ ихъ выполненіемъ; по всему свѣту разыскивались драгоценныя камни, достойныя украсить произведенія ихъ рукъ. Онъ уже воображалъ себя стоящимъ передъ главнымъ алтаремъ Собора въ великолѣпномъ одѣяніи короля, и улыбка играла и медлила на его юныхъ устахъ и яркимъ блескомъ отражалась въ его темныхъ, какъ дремучій лѣсъ, глазахъ.

Нѣсколько минутъ спустя онъ всталъ и, опершись на рѣзной навѣсъ камина, оглядѣлъ слабо освѣщенную комнату. Стѣны ея были затянуты богатыми гобеленами, изображавшими Триумфъ Красоты. Большой шкафъ, инкрустированный агатами и ляписъ-лазурью, занималъ одинъ изъ угловъ, а противъ окна стоялъ удивительной работы поставецъ съ лакированными, выложенными золотомъ панно; на немъ стояли нѣсколько кубковъ тонкаго, венеціанскаго стекла и чаша изъ оникса съ темными жилками. На шелковомъ покрывалѣ кровати были вышиты блѣдныя маки, будто выпавшіе изъ усталыхъ рукъ Сна; и высокіе рѣзные шесты изъ слоновой кости поддерживали бархатный балдахинъ, надъ которымъ, какъ бѣлая цѣна, поднимались пышныя туфы страусовыхъ перьевъ къ блѣдному серебру рѣзного потолка. Улыбавшійся Нарциссъ изъ зеленой бронзы держалъ надъ изголовьемъ блестящее зеркало. На столѣ стояла плоская чаша изъ аметиста.

Въ окно онъ могъ видѣть огромный куполъ Собора, круглой шапкой вздымавшійся, словно мыльный пузырьъ, надъ темными силуэтами домовъ, и усталыхъ часовыхъ, шагавшихъ взадъ и впередъ по окутанной туманомъ террасѣ надъ рѣкой. Гдѣ-то далеко во фруктовомъ саду пѣлъ соловей. Нѣжный ароматъ жасмина струился въ открытое окно.

Молодой Король откинулъ со лба свои темныя кудри и, взявъ лютню, сталъ пальцами перебирать струны. Его тяжелыя вѣки опустились, и

странное томленіе охватило его. Никогда еще онъ не ощущалъ такъ ясно и съ такой проникновенной радостью очарованіе и тайну прекраснаго.

Когда пробило полночь на башенныхъ часахъ, онъ позвонилъ, и въ комнату вошли пажі его и съ длиннымъ церемоніаломъ разоблачили Короля, поливая ему на руки розовую воду и усѣвая его изголовіе цвѣтами. Спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ они вышли, Король уже погрузился въ сонъ.

И въ то время, какъ онъ спалъ, ему снился сонъ. Вотъ что ему снилось:

Ему казалось, что онъ находится въ длинной низкой мансардѣ, среди визга и стука безчисленныхъ ткацкихъ станковъ. Слабый дневной свѣтъ проникалъ въ рѣшетчатые окна и освѣщалъ прозрачныя фигуры склонившихся надъ работой ткачей. Блѣдныя, болѣзненные дѣти, скорчившись, сидѣли на поперечныхъ балкахъ. Когда челноки проскакивали черезъ основу, дѣти поднимали гнѣздовые баттаны, а когда челноки останавливались, дѣти спускали баттаны и сжимали ими нити. Лица ихъ были изнурены голодомъ, а худыя руки дрожали и плохо слушались. Нѣсколько изможденныхъ женщинъ сидѣли за столомъ и шили. Отвратительный запахъ наполнялъ комнату. Воздухъ былъ душенъ и спертъ, а по стѣнамъ струилась и капала на полъ сырость.

Молодой Король подошелъ къ одному изъ ткачей и сталъ слѣдить за его работой.

Но ткачъ сердито взглянулъ на него и сказалъ:

— Зачѣмъ ты на меня смотришь? Ужъ не соглядай ли ты, приставленный нашимъ хозяиномъ?

— Кто твой хозяинъ?—спросилъ Молодой Король.

— Нашъ хозяинъ!—горько воскликнулъ ткачъ.— Онъ такой же человѣкъ, какъ и я. И, собственно, между нами только та разница, что онъ поситъ

роскошныя одежды, тогда какъ я хожу въ лохмотьяхъ, и что я слабъ отъ голода, а онъ немало страдаетъ отъ пресыщенія.

— Страна свободна, — сказала Молодой Король. — и ты вѣдь не чей-нибудь рабъ.

— На войнѣ, — отвѣтилъ ткачъ, — сильныя порабащаютъ слабыхъ, а въ мирное время богатые порабащаютъ бѣдныхъ. Чтобы жить, мы должны работать, но они даютъ намъ такую скудную плату, что мы умираемъ. Мы по цѣлымъ днямъ трудимся для нихъ; они накопляютъ груды золота въ своихъ сундукахъ, а наши дѣти увядаютъ раньше времени, и лица дорогихъ намъ людей становятся черствыми и злыми. Мы давимъ виноградъ, а вино пьютъ другіе. Мы сѣмъ зерно, но столъ нашъ пустъ. Мы закованы въ цѣпи, хотъ это для глазъ невидимо, и мы рабы, хотъ люди и зовутъ насъ свободными.

— И для всѣхъ это такъ? — спросилъ Король.

— И для всѣхъ такъ, — отвѣтилъ ткачъ, — какъ для молодыхъ, такъ и для старыхъ, какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ, какъ для маленькихъ дѣтей, такъ и для согбенныхъ годами. Купцы насъ притѣсняютъ, а мы вынуждены подчиняться имъ. Священникъ, перебирая свои четки, проѣзжаетъ мимо, и никто о насъ не заботится. По нашимъ безсолнечнымъ переулкамъ крадется Бѣдность со своими голодными глазами, а слѣдомъ за ней съ озвѣрѣлымъ лицомъ идетъ Преступленіе. Нищета пробуждаетъ насъ утромъ, и Позоръ сидитъ надъ нами ночью. Но какое тебѣ до всего этого дѣло? Ты не нашъ. У тебя слишкомъ счастливое лицо.

И, нахмурясь, ткачъ отвернулся и пустил челнокъ на станокъ, и Молодой Король увидѣлъ, что челнокъ былъ намотанъ золотыми нитями.

И ужасъ охватилъ его, и онъ спросилъ ткача:

— Что это за мантию ты ткешь?

— Это коронаціонное одѣяніе Молодого Короля, — отвѣтилъ тотъ. — Что тебѣ до этого?

Молодой Король громко вскрикнулъ и... проснулся въ своей собственной спальнѣ. А въ окно онъ увидѣлъ большой медово-желтый мѣсяцъ, висѣвшій на мгlistомъ небѣ.

И снова онъ заснулъ и вновь увидѣлъ сонъ. И вотъ что ему снилось:

Ему казалось, что онъ лежалъ на палубѣ громадной галеры; на ней гребли сто рабовъ. На коврѣ, рядомъ съ Королемъ, сидѣлъ хозяинъ галеры. Онъ былъ черепъ, какъ черное дерево, а чалма его была изъ краснаго шелка. Большія серебряныя кольца оттягивали толстыя мочки его ушей, а въ рукахъ онъ держалъ вѣсы изъ слоновой кости.

Рабы были почти наги, на нихъ были только рваные передники, и каждый былъ прикованъ цѣпью къ своему сосѣду. Лучи горячаго солнца обжигали ихъ, а негры бѣгали взадъ и впередъ по проходамъ и хлестали гребцовъ ремennыми бичами. Рабы вытягивали свои исхудалыя руки и съ трудомъ двигали по водѣ тяжелыя весла. Соленыя брызги летѣли съ лопастей.

Наконецъ они достигли маленькаго залива и принялись измѣрять глубину. Съ берега дулъ легкій вѣтерокъ и покрывалъ палубу и большой треугольный парусъ мелкой красной пылью. Три араба верхомъ на дикихъ ослахъ подѣхали къ берегу и стали метать въ галеру дротиками. Хозяинъ галеры взялъ въ руки раскрашенный лукъ и пустилъ одному изъ нихъ стрѣлу въ горло. Тотъ тяжело упалъ въ бурунь, а товарищъ его ускакалъ. Женщина, закутанная въ желтое покрывало, медленно послѣдовала за ними на верблюдѣ, оглядываясь по временамъ на убитаго.

Лишь только они бросили якорь и убрали паруса, негры спустились въ трюмъ и вынесли отсюда длинную веревочную лѣстницу съ тяжелыми

свинцовыми гириами. Хозяинъ галеры перекинулъ ее черезъ бортъ, прикрѣпивъ концы къ двумъ желѣзнымъ крюкамъ. Тогда негры схватили младшаго изъ рабовъ, сбили съ него оковы и, залѣпивъ ему ноздри и уши воскомъ, привязали ему къ поясу тяжелый камень. Рабъ устало спустился съ лѣстницы и исчезъ въ морѣ. Нѣсколько пузырьковъ поднялось на мѣстѣ, гдѣ онъ погрузился въ воду. Нѣкоторые изъ рабовъ съ любопытствомъ заглядывали за бортъ. На носу галеры сидѣлъ укротитель акулъ, мопотонно ударяя въ барабанъ.

Немного времени спустя, водолазъ выплынулъ изъ воды и, тяжело дыша, ухватился за лѣстницу; въ правой рукѣ онъ держалъ жемчужину. Негры выхватили ее и столкнули его обратно. Рабы уснули надъ веслами.

Снова и снова показывался водолазъ и каждый разъ онъ приносилъ съ собою по прекрасной жемчужинѣ. Хозяинъ галеры взвѣшивалъ ихъ и клалъ въ мѣшочекъ изъ зеленой кожи.

Молодой Король пытался заговорить, но языкъ его точно прилипъ къ нѣбу и губы отказывались повиноваться. Негры болтали другъ съ другомъ и, наконецъ, затѣяли ссору изъ-за нити блестящихъ бусъ. Два журавля летали вокругъ судна.

Наконецъ водолазъ показался въ послѣдній разъ, и жемчужина, принесенная имъ съ собою, была прекраснѣе всѣхъ жемчужинъ Ормуза, ибо она имѣла форму полной луны и была свѣтлѣе утренней звѣзды. Но лицо раба было странно блѣднымъ, онъ упалъ на палубу и изъ ушей и ноздрей его хлынула кровь. Онъ вздрогнулъ нѣсколько разъ и затѣмъ затихъ. Негры пожали плечами и выбросили тѣло за бортъ.

Хозяинъ галеры захохоталъ и, протянувъ руку, взялъ жемчужину; увидавъ ее, онъ приложилъ ее ко лбу и склонилъ голову.

— Она украситъ,—сказалъ онъ,—скипетръ Молодого Короля!

И онъ далъ знакъ неграмъ поднимать якорь.

И когда Молодой Король услыхалъ это, онъ громко вскрикнулъ и проснулся. И въ окно онъ увидѣлъ, какъ длинныя, блѣдныя персты разсвѣта судорожно схватывали съ неба догоравшія звѣзды.

И снова онъ заснулъ, и вновь увидѣлъ сонъ. И вотъ что ему снилось:

Ему казалось, что онъ бредетъ по дремучему лѣсу, увѣшанному необыкновенными плодами и прекрасными ядовитыми цвѣтами. Ехидны шипѣли ему вслѣдъ, и яркіе попугаи съ громкими криками перепархивали съ вѣтки на вѣтку. Громадныя черепахи дремали въ горячей тишѣ. Деревья были усыяны обезьянами и павлинами.

Все дальше и дальше шелъ онъ, пока не достигъ опушки лѣса. И тамъ онъ увидѣлъ несмѣтное множество людей, работавшихъ въ руслѣ отведенной рѣки. Они карабкались по утесамъ, словно муравьи. Они рыли глубокіе колодцы въ землѣ и спускались въ нихъ. Нѣкоторые большими кирками рубили скалы, другіе рылись въ песокъ. Они вырывали съ корнями кактусы и топтали алые цвѣты. Они лихорадочно спѣшили, перекликаясь другъ съ другомъ, и никто не оставался празднымъ.

Изъ мрака пещеры паблюдали за ними Смерть и Алчность

И Смерть сказала:

— Мнѣ скучно; отдай мнѣ треть изъ нихъ и отпусти меня.

Но Алчность покачала головой.

— Они мои слуги,—отвѣтила она.

И Смерть спросила ее:

— Что у тебя въ рукѣ?

— Три хлѣбныхъ зерна, — отвѣтила она. — Но что тебѣ до этого?

— Дай мнѣ одно изъ нихъ,—закричала Смерть,—я посажу его въ моемъ саду; только одно, и я уйду отсюда.

— Я ничего не дамъ тебѣ,—отвѣтила Алчность, пряча руку въ складкахъ своей одежды.

И Смерть захохотала и, взявъ чашу, окунула ее въ лужу воды; и изъ чаши поднялась Болотная Лихорадка. Она прошла черезъ толпу людей, и треть изъ нихъ уже лежала мертвой. Холодный туманъ слѣдовалъ за ней, а рядомъ съ ней пресмыкались водяныя змѣи.

И когда Алчность увидѣла, что треть ея людей умерла, она принялась съ плачемъ бить себя въ грудь. Она била себя въ бесплодную грудь и кричала:

— Ты убила треть моихъ слугъ. Уходи! Въ горахъ Татаріи идетъ война, и короли враждующихъ сторонъ тебя призываютъ. Афганцы закололи чернаго быка и идутъ на бой. Они ударили по щитамъ копьями и надѣли желѣзные шлемы. Что тебѣ нужно въ моей долинѣ, и почему ты такъ медлишь въ пей? Уходи и не возвращайся сюда больше.

— Нѣтъ,—отвѣтила Смерть,—пока ты не дашь мнѣ одного хлѣбнаго зерна, я не уйду.

Но Алчность крѣпче зажала руку и заскрежетала зубами.

— Я ничего не дамъ тебѣ,—пробормотала она.

И Смерть засмѣялась и, поднявъ черный камень, бросила его въ лѣсъ; и изъ чаши дикой цыкуты вышла Горячка въ огненномъ одѣяніи. Она прошла черезъ толпу людей и коснулась ея, и каждый, кого она касалась,—умиралъ. Трава увядала подъ ея ногами на ея пути.

И Алчность содрогнулась и посыпала голову пепломъ.

— Ты жестока!—закричала она.—Ты жестока! Голодъ царитъ въ обнесенныхъ стѣнами городахъ Индіи, и водоемы высохли въ Самаркандѣ. Го-

лодь царить въ обнесенныхъ стѣнами городахъ Египта и саранча налетѣла туда изъ пустыни. Нилъ не выступалъ изъ береговъ, и жрецы прокляли Изиду и Озириса. Иди къ тѣмъ, кому ты нужна, и оставь мнѣ моихъ слугъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила Смерть,—пока ты не дашь мнѣ одного хлѣбнаго зерна, я не уйду.

— Я ничего не дамъ тебѣ,—сказала Алчность.

И смерть снова засмѣялась и свистнула въ свои пальцы, и по воздуху прилетѣла женщина. „Чума“,—была надпись на ея лбу, и цѣлая стая голодныхъ коршуновъ вилась надъ ея головою. Она покрыла долину своими крыльями, и въ живыхъ не осталось ни одного человѣка.

И Алчность съ громкими воплями полетѣла черезъ лѣсъ, а Смерть вскочила на своего красного коня и умчалась быстрѣе вихря.

А изъ тины въ глубинѣ долины вылѣзли драконы и отвратительныя чешуйчатые существа; и шакалы въ припрыжку пробѣжали по песку, втягивая ноздрами воздухъ.

И Молодой Король заплакалъ и спросилъ:

— Кто были эти люди и что они искали?

— Они искали рубины для короны Короля,—отвѣтилъ кто-то позади него.

И Молодой Король вздрогнулъ и, обернувшись, увидалъ человѣка въ одеждѣ пилигрима, державшаго въ рукѣ зеркало изъ серебра.

И онъ поблѣднѣлъ и спросилъ:

— Для какого короля?

И пилиграмъ отвѣтилъ:

— Взгляни въ это зеркало и ты увидишь его.

И онъ взглянулъ въ зеркало и увидавъ свое собственное лицо, громко вскрикнулъ и проснулся. Потоки яркаго солнечнаго свѣта лились въ комнату, а на деревьяхъ сада и въ рощахъ пѣли птицы.

Церемоніймейстеръ и высшіе сановники государства съ поклопомъ вошли къ Королю, а пажии